

Письма Ростопчина к императору Александру и к своей жене («Р. Арх., Ч 1901, VIII), где он характеризует состояние армии, столь интересны, что нельзя не привести хотя бы некоторые из них в выдержках. Ростопчин, бывший первоначально сторонником Кутузова, который один, по его словам, владел искусством «повелѣвать массами» («...и всѣ состоянія,—писал Ростопчин Балашову 13 августа—обрадованы порученіемъ къ Кутузову главнаго начальства»), теперь не останавливался перед самыми черными красками. Забывая, что прежде он обвинял «мартинистовъ» въ распусканіи злыхъ слуховъ «съ цѣлью поугаты, встревожить» (письмо 13 августа), самъ сгущаетъ факты. «Солдаты уже не составляютъ арміи. Это орда разбойниковъ и они грабятъ на глазахъ своего начальства. Въ эту минуту, на 50 верстъ отсюда, страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ заодно съ остальными, Разстрѣливать невозможно: нельзя же казнить смертью по нѣсколько тысячъ человѣкъ въ день? Князя Кутузова больше нѣтъ—никто его не видитъ; онъ все лежитъ и много спитъ. Солдаты презираютъ его и ненавидятъ его. онъ ни на что не рѣшается; молоденькая дѣвочка, одѣтая казакомъ, много занимаетъ его... необходимо, для предотвращенія мятежа, отозвать и наказать этого стараго болвана и царедворца; иначе произойдутъ неисчислимыя бѣдствія... Кутузов-сплетница, потерялъ голову (8 сентября)». Въ письме 19 сентября онъ отмечает, что крестьяне доведены «до отчаянія грабительствомъ нашихъ войскъ, которыя все себѣ присваиваютъ всевозможными способами... Если наши крестьяне начнутъ драться с нашими солдатами (а я этого жду), тогда мы на канунѣ мятежа, который непременно распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые бѣглецы и новобранные полки производятъ такую же неурядицу». Аналогичное письмо пишетъ Ростопчин Аракчееву 15 сентября. «Безпорядокъ дошелъ до такой степени,—сообщаетъ онъ 9 сентября,—что на виду у генераловъ солдаты начинаютъ грабить дома бѣдныхъ мужиковъ и на 50 верстъ въ окружности страна опустошена». «Все готово къ мятежу»... «Солдаты мрутъ, какъ мухи, отъ голода и холода», пишетъ онъ 16 сентября («Число больныхъ достигаетъ 400 человѣкъ въ день», по словамъ Ростопчина въ письмѣ къ Александру 21 сентября). «Я не понимаю, какъ несчастные крестьяне не возмутятся противъ нашихъ солдатъ и не перейдутъ на сторону непріятеля...» Бесспорно, в словахъ Ростопчина много преувеличений, но есть и большая доля правды. Мы можемъ найти много подтвержденій тому. Достаточно привести хотя бы два донесенія приказчиковъ кн. Голицына. «Когда пришли французы въ Влахернское, (усадьба в Выхино-Кузьминки-примеч.)—сообщаетъ одинъ изъ нихъ 1 октября,—имъ поживитца было уже нечемъ»... «Еще наша армія все переломала и всю мебель ободрала». «Казакъ много дѣлаютъ грабежей,—сообщаютъ владѣтелю изъ ростовской вотчины 5 октября,—а потому надѣяться на нихъ и нельзя» (Бум. От. В. Щукинъ, I, 15). С другой стороны, тамбовскій губернаторъ Павловъ предупреждаетъ жителей остерегаться бѣглыхъ солдатъ и казаковъ, которые подъ видомъ нападенія французовъ, грабятъ народъ.

Казачий атаман А.А. Карпов

В статье С.П. Мельгунова, в III т., отмечалось, что в армии далеко не все было благополучно, так как на комиссариатскую часть идут систематические жалобы. Сам Вильсон говорил, что в Коломне он нашел 30 раненых без комиссариатского и медицинского провианта. «Интендантская часть очень плохо организована», жалуется Александру Шувалов еще 31 июля («1812 год в письмах»). То же сообщает Кутузов Салтыкову 15 ноября: «... сильные транспорты с провиантом нас не достигают и мы в хлебе нуждаемся...». «До невозможности воруют в госпиталях» - пишет Растопчин 7 октября. И здесь было много горькой правды. Яркое подтверждение тому можно найти и в записках казачьего полковника Карпова: „ И в нашей армии во время преследования французов было больных, как сказывали, половина армии, что справедливо потому, что в нашей роте не было здоровых и третьей части того, сколько стояло по списку”.

Современники выделяли французов от «новобранцев», как именует крепостная Л.И. Соймонова нефранцузские элементы в наполеоновской армии,—элементы, среди которых раньше всего пала дисциплина. „Французы настоящие добрые, ведь у них по мундиру и по разговору узнаешь, редко кого обидеть; зато уж эти новобранцы всякие у них да нѣмчура никуда не годилась. И не нужно им, да они грабят, да крещеный народ обижают”.

О разграблении русскими Москвы после ухода французов говорят многие современники. Это была „une haine feroce contre la noblesse”, как выразился внук Ростопчина, гр. Сегюр („Vie”, 259).

«Разорили Москву,—писал полковник Толь 29 ноября 1812 г.,—не столько французы, как приехавшие подмосковные крестьяне и дворовые люди” („Р. Ст.”, 1873, XII, 992). „Подмосковные крестьяне,—свидетельствует Л. А. Шаховской после ухода французов,—полагаясь на суматоху нашего вступления, наехали на возах, чтобы захватить награбленное” („Р. Ст.”, 1889, X, 47). „Цѣлыми обозами мужики приезжали в Москву обирать”, рассказывает И. М. Снегирев („Р. Арх.”, 1868, 1434). Свою долю в грабежи внесли и казаки. Приставленные для охраны Воспитательного Дома, по словам Тутолмина, они ограбили „служителей и больных” („Бумаги Отеч. войны”. Щукина, V, 160). Относительно казаков мы найдем упоминание и в письме Ростопчина к Вязьмитинову от 10 октября 1812 г.